

Смыслы космической программы КНР: «космическая мечта китайского народа» между прошлым и будущим

ПАВЕЛ А. БОГОМОЛОВ

Российская академия народного хозяйства и государственной службы,
Москва, Российская Федерация

<https://orcid.org/0000-0001-8574-8795>

Рекомендация для цитирования:

Богомолов П. А. (2026) Смыслы космической программы КНР: «космическая мечта китайского народа» между прошлым и будущим. *Социология власти*, 38 (1): 199-223
EDN: PJSCPD

For citation:

Bogomolov P. A. (2026) The Meanings of the PRC's Space Program: "Space Dream of the Chinese People" Between Past and Future. *Sociology of Power*, 38 (1): 199-223

Поступила в редакцию: 10.06.2025;
прошла рецензирование: 27.10.2025;
принята в печать: 05.11.2025
Received: 10.06.2025; Revised:
27.10.2025; Accepted: 05.11.2025

© Author, 2026

This article is an open access article distributed under the terms and conditions of the Creative Commons Attribution (CC BY) license (<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>).

Резюме: В статье представлен первый этап исследования конфигурации различных символических ресурсов, объединенных в рамках риторической формулы «космическая мечта китайского народа», которая была популяризована Си Цзиньпином как часть новой национальной идеологии — «китайской мечты». Описана реконструкция сети смыслов, связываемых с космической программой КНР, и, таким образом, предложен ответ на вопрос, какие условия благоприятствовали интеграции образа китайской космонавтики в идеологическую политику. В частности, автор задается вопросом о том, что сделало возможным введение Дня космонавтики КНР в 2016 году. Отмечено, что, несмотря на возросшую медийную популярность образа китайской космонавтики в КНР, этот феномен изучали почти преимущественно с точки зрения политического утилитаризма, а риторическая конструкция «космическая мечта» вообще осталась за пределами академических интересов. Для представленного исследования выбрана культуросоциологическая оптика, разработанная Джеффри Александером, которая релевантна в двух отношениях. Во-первых, герменевтическая методология соответствует характеру объекта: риторические формулы, выдвигаемые политическими лидерами Китая, не наделяются «сверху» конкретным содержанием; их смысл должен быть установлен

локальными акторами «снизу» в ходе собственной интерпретативной работы. Задача исследователя в таком случае — проделать подобную же работу. Во-вторых, культурсоциология — интегративная теория, которая позволяет связать локальные практики порождения смысла с социальными и культурными ресурсами. Автор статьи демонстрирует, как особенности эволюции медийного образа космонавтики могут быть объяснены отсылкой к подобного рода диалектическим отношениям. В статье доказывается, что «космическая мечта» — это перформативный ресурс, который позволил различным акторам солидаризироваться вокруг образа космических проектов.

Ключевые слова: культурсоциология, «космическая мечта китайского народа», «китайская космическая мечта», «культура космонавтики», Китайская Народная Республика (КНР)

The Meanings of the PRC's Space Program: “Space Dream of the Chinese People” Between Past and Future

200

Pavel A. Bogomolov

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow, Russian Federation

<https://orcid.org/0000-0001-8574-8795>

Abstract: The current article is a result of the first stage in studying the ways that heterogeneous symbolic resources are configured under the name of “Space Dream of the Chinese Nation”, a rhetorical figure employed by Xi Jinping as a part of the new national ideology — “Chinese Dream”. The reconstruction of a network of meanings associated with the PRC's Space Program is presented, and thus the author addresses the question about the circumstances that were favorable for integrating Chinese astronautics into the new ideological policy. Therefore, a hypothetical solution to the following problem is also found out: what made the introduction of the National Space Day of China in 2016 possible and necessary? The article starts by mentioning a lacuna in the scholarship concerning Chinese astronautics: despite the growing popularity of its media image in China, this phenomenon has been studied mainly from the theoretical standpoint of political utilitarianism; the “Space Dream” itself has not received any focused scientific consideration at all. The present study employs the theoretical optics developed in the field of Cultural sociology by Jeffrey Alexander which is contextually important for two reasons. First, hermeneutic methodology is well accorded with special characteristics of the analyzed object: the content of rhetorical figures put forth by the PRC's political leaders are not determined in advance from ‘the top’, but vice versa — the meaning is infused by local actors in the process of their own interpretative work. A researcher's goal in such a case is then to try doing the same work herself/himself. Second, Cultural sociology is an integrative theoretical frame

which makes it possible to connect local meaning-constitutive practices, on the one hand, with the social and cultural resources, on the other. The present article demonstrates how the evolution of Chinese astronautics' public image with its peculiarities might be explained with the idea of such a dialectic relationship. In the end the author arrives at the conclusion that "Space Dream" is a performative resource that has been able to allow individuals to feel solidarity as a people in relation to astronautics' projects.

Keywords: Cultural Sociology, "Space Dream of the Chinese Nation", "Chinese Space Dream", "Culture of astronautics", People's Republic of China (PRC)

Введение

На XVIII съезде Коммунистической партии Китая (КПК) 15 ноября 2012 года новым председателем был избран товарищ Си Цзиньпин. Свою инаугурационную речь он посвятил необходимости «продолжать борьбу за возрождение китайского народа» (Си 2013, с. 3–5). Такая формулировка отсылает к идеологеме «век унижения», согласно которой в период между окончанием Первой опиумной войны в 1842 году и образованием Китайской Народной Республики (КНР) в 1949 году Китай не обладал политической субъектностью (о китайском нарративе национального унижения см.: Callahan 2004). Согласно речи Си, только под властью Компартии Китай снова обрел национальное единство (мотив из речи Мао Цзэдуна, см.: Мао 1977, с. 15–18). Однако конечная цель — «сделать из бедного и отсталого Китая процветающее и сильное новое государство» — так и не была достигнута. Новая администрация взяла на себя задачу довести борьбу до конца. В выступлении 30 ноября на выставке «Путь возрождения» в Национальном музее Китая Си Цзиньпин дал своей программе название «китайская мечта», которая и стала его визитной карточкой на протяжении последних лет¹. В этот новый идеологический контекст была изящно вписана и китайская космонавтика.

В 2013 году Си Цзиньпин по аналогии с основным идеологическим тропом предложил формулу «космическая мечта китайского народа» (中华民族的航天梦; чаще всего в медиа используется сокращенная версия — «космическая мечта», 航天梦²). Она стала социальным фактом после 11 июня 2013 года, накануне запуска пилотируе-

1 В 2013 году под редакцией Исследовательского офиса по документации при ЦК КПК был издан сборник «Выдержки из теории китайской мечты Си Цзиньпина о реализации великого возрождения китайской нации» (Си 2013).

2 «Космический» в данном контексте — слово, производное от «космонавтики» (航天), а не слова «космос» (宇宙).

мого корабля Шэньчжоу-10, когда китайские медиа распространили обращение китайского лидера к экипажу миссии: «Вы <...> несете с собой космическую мечту китайского народа, демонстрируете благородные устремления китайцев “посметь забраться на девятое небо и схватить Луну”¹. Завершается приведенный фрагмент цитатой из стихотворения классического поэта Ли Бо², которая также дословно повторяется в стихотворении Мао Цзэдуна³. Эта отсылка работает не только в качестве поэтической метафоры, но также обыгрывает реальные успехи Лунной программы КНР. Характерно, что в подобных официальных высказываниях обычно нет мобилизующих призывов. С содержательной стороны это — просто набор стандартных ритуальных формул, которые ничего не сообщают о конкретном положении дел. Ниже попытаемся ответить на вопрос: в чем же состоит «космическая мечта» китайцев? Представляет ли она собой пустую риторическую фигуру, наполняющуюся нужным означаемым в зависимости от политического контекста, как склонны представлять этот феномен в существующей литературе? Мы попытаемся представить иную, культурсоциологическую перспективу, согласно которой «космическая мечта» — это перформативный ресурс, умело использованный, «разыгранный» китайскими лидерами совместно с широкой аудиторией; согласно нашей гипотезе, такой перформанс использует космическую тематику для создания особой смысловой среды, в которой становится возможным коллективная солидаризация. В ходе этого процесса в 2016 году был, в частности, сформирован новый социально-структурный элемент и символический ресурс — Китайский день космонавтики.

* * *

Политические ученые обращали много внимания на особенности «китайской мечты» как альтернативы «американской мечте». В 2009 году был опубликован труд профессора Университета обороны КНР Лю Минфу «Китайская мечта: мышление великих государств и стратегическое планирование в постамериканскую эпоху» (Лю 2009), который на некоторое время закрепил за этим термином значение строго рациональной, утилитаристской внешнеполити-

1 习近平在酒泉卫星发射中心观看发射并发表重要讲话 // 新闻报道. 人民网. 2013. URL: <http://cpc.people.com.cn/n/2013/0612/c64094-21816120.html>

2 В переводе Дж. Э. Уорд: «A Farewell To Secretary Shuyun At The Xietiao Villa In Xuanzhou». URL: <https://allpoetry.com/A-Farewell-To-Secretary-Shuyun-At-The-Xietiao-Villa-In-Xuanzhou>

3 可上九天揽月, 可下五洋捉鳖, 谈笑凯歌还 // 全诗赏析_古诗文网. URL: <https://www.gushiwen.cn/mingju/juv.aspx?id=9ecf88c89fae>

ческой концепции, сводящейся к необходимости установить иную конфигурацию власти в международном пространстве за счет увеличения военной мощи КНР. Китайская космонавтика, помещенная в этот контекст, анализируется в рамках парадигмы «новой космической гонки», согласно которой китайцы, исходя из стратегических интересов, «мечтают» стать первой нацией, освоившей просторы Солнечной системы (Pollpeter et al. 2015)¹.

Однако такой аргумент не соответствует официальной китайской идеологии, в основание которой помимо мифа о национальном возрождении заложен тезис «общей судьбы человечества». Оба элемента «китайской мечты» вследствие неизбежной глобализации находятся в «диалектических отношениях»², и утверждается, что благосостояние китайского народа прямо пропорционально зависит от прогресса всего человечества. Китайская космическая программа, в свою очередь, также призвана участвовать в гармонизации совместной жизни людей в мировом масштабе. Эта диалектика национализма/глобализма представлена в статье «Ценности духа космонавтики новой эпохи»³, опубликованной в ключевом журнале по теории КПК «Цюши» 24 апреля 2020 года в честь Дня космонавтики: «Долг китайской космонавтики — <...> содействовать развитию человеческой космической цивилизации, служить на благо всего человечества, [а также] быть в авангарде развития человеческой цивилизации»⁴ (Solomone 2006, p. 51). Этот фрагмент сформулирован по аналогии с высказываниями Си Цзиньпина 2013 года: «[Наша задача —] позволить китайскому народу занять достойное место среди народов мира и приносить всё большую пользу человечеству» (Си 2018, с. 4)⁵.

Противоречие между теорией, согласно которой космонавтика для китайского правительства — это инструмент *Realpolitik*, и официаль-

- 1 Даже если политические исследователи обращают внимание на формулу «космическая мечта китайского народа», ее также помещают в контекст «космической гонки» (Singh 2016). В этом отношении показательна статья (Svyrydenko, Stovpets 2020): хотя в аннотации заявлен «философский анализ китайской космической программы и ее связи с воплощением “китайской мечты”», статья полностью посвящена разбору космонавтики с точки зрения «реальной политики». Авторы начинают текст с цитат Си Цзиньпина о «космической мечте», однако совершенно не раскрывают ее философский потенциал.
- 2 中国梦: 铸就人类命运共同体 // 中国共产党新闻网. 2013. URL: <http://theory.people.com.cn/n/2013/1104/c83855-23425718.html>
- 3 «Новая эпоха» — указание на период правления Си Цзиньпина.
- 4 航天精神的新时代价值 // 求是网. 2020: http://www.qstheory.cn/dukan/hqwg/2020-05/20/c_1126005281.htm
- 5 Отметим чрезвычайную ригидность подобных формул. Об их ритуальном характере см.: (Shue 2022, p. 699).

ной идеологической линией администрации Си Цзиньпина позволяет политическим исследователям переключиться на незаметные механизмы внешнеполитического влияния, потенциально эффективные в долгосрочной перспективе. Для их обозначения используется словосочетание «культурная мягкая сила», введенное в китайский политический дискурс председателем КНР в 2013 году (Там же, с. 160).

В этой оптике китайскую космонавтику проанализировала британская социальная исследовательница Молли Силк, единственная, насколько нам известно, кто сделал «китайскую космическую мечту», или то, что она называет «космической культурой» (Space culture), самостоятельным предметом изучения (Silk 2024). Поэтому представим некоторые из ее тезисов. Силк делает акцент на особенностях локальных способов представления будущего — «воображаемых формах социальной жизни и социального порядка», связанных с ценностями того или иного коллектива (Ibid., p. 125, 146). Чтобы подчеркнуть влияние космических технологий на эти представления, она использует термин «социотехническое воображение», которое может передаваться через культурные артефакты. Силк выстраивает следующую логику: политика оказывает влияние на культурную продукцию, которая, в свою очередь, трансформирует социотехническое воображение целевой аудитории, а та, как следствие, поддерживает нужный политический курс. В результате «космическая культура» политизируется: «Продолжительное доминирование США в области космической культуры повлияло на то, как мир воспринимает изучение космоса и лидерство в космосе. Если Китай сможет задать альтернативное видение или даже глобальное изменение воображения о будущем в области изучения космоса, США могут потерять всеобщее признание в качестве лидера в космосе» (Ibid., p. 150). Научная фантастика, ставшая в последнее десятилетие одним из самых популярных культурных продуктов Китая, «демонстрирует привлекательность альтернативных футуризов, которые составлены из комбинирования китайской истории и культуры с футуристическими видениями, представляющих нечто новое для Западной аудитории» (Ibid., p. 147).

Молли Силк продемонстрировала, что при исследовании китайского воображения об освоении открытого космоса нельзя игнорировать его связь с конституирующим влиянием политической власти (Ibid., p. 125). Однако эта работа основана на теоретически необоснованной пресуппозиции — тотальной редукции смыслов, связанных с китайской космонавтикой, к политической рациональности. Отсюда вытекают два следствия, которые необходимо оспорить с точки зрения культурсоциологии: во-первых, «социотехническое воображение» может модулироваться в соответствии с политическими задачами, а потому не обладает собственной порождающей силой.

Во-вторых, космическая техника сама по себе представляется тогда одним из ресурсов для корректировки общественного мнения, который рефлексивные политические акторы могут модифицировать по своему желанию (о критике данного подхода, принципиальной для проекта культурсоциологии см.: Гирц 2004а).

В качестве опровержения этой позиции сошлемся на статью Чжи Цяна и Маргарет Пирсон, в которой были проанализированы механизмы работы бюрократических институтов, созданных при Госсовете КНР в 1986 году для разработки и реализации реформ в области наук и технологий (Zhi, Pearson 2017). Авторы обратили внимание, что в организации бюрократической работы в эпоху реформ и открытости (с 1978 г.) фундаментальную роль играл механизм «сигнал — ответ»: «Лидеры направляют сигналы — часто в форме слоганов, описывающих “дух” политики. Подчиненные кадры, обладая лишь частью информации, должны в свою очередь расшифровать, как нужно воплотить эти сигналы» (Ibid., p. 409). Теоретический пафос этой статьи связан с особенностями объекта исследования — комитета ученых при Госсовете, отвечавшего за фундаментальные научные проблемы в таких областях, как «биотехнология, космическая отрасль, лазер, автоматические системы, энергетика и новые материалы» (Ibid., p. 412). Иначе говоря, развитие технологий, так же как конкретное управление на местах, не контролировалось напрямую политическими лидерами: ученые должны были иметь дело с «областями неопределенности» и грамотно наполнять их содержанием (как работает подобный «практический смысл» в конкретных обстоятельствах — отдельная тема). Такие неопределенности превращались в «пространства компромиссов» между учеными-профессионалами и бюрократами, способствуя, или по крайней мере не мешая, появлению инноваций.

205

Таковую же оптику к изучению социально-утопического воображения в XXI веке в КНР приложил американский политический ученый Уильям Каллахан: он заметил, что, хотя концепция «китайской мечты» была озвучена Си Цзиньпином в ноябре 2012 года, ее содержание не было однозначно определено (Callahan 2013, p. 1-12). Объясняя причину такого положения вещей, он выдвинул гипотезу о том, что китайская идеология с 2009 года находилась в «переходном периоде»: это время характеризовалось поиском новых национальных ориентиров, отличных от неолиберальной «американской мечты». Новый лозунг Си Цзиньпина призывал граждан Китая пересмотреть свои представления о будущем, в результате чего образовалось пространство диалога между властью и народом¹.

1 Теоретическую основу для концептуализации подобного диалога между «властью» и «народом» можно найти в статье Э. Шилза «Массовое общество

В тексте 2017 года Каллахан развил свою гипотезу в герменевтическую методологию: «Эта статья, таким образом, меняет эмпирицистское объяснение, которое полагается на истинность репрезентации фактов, на постструктуралистское понимание, которое полагается на убедительную интерпретацию <...> Действительно, этот интерпретативный подход [отвечает на вопрос,] как китайские ученые вовлекаются в официальный дискурс: они ищут паттерны, чтобы добавить смысл в смутные официальные заявления» (Callahan 2017, p. 6). Отметим, что принцип убедительности интерпретации близок методологическому принципу «наиболее вероятной интерпретации» Поля Рикёра (Рикёр 2008, с. 37). Далее мы хотим развить этот подход, вытекающий, как убедительно показали указанные авторы, из самого характера материала, в контексте культурсоциологии Джеффри Александера. В отношении нашего предмета она обладает рядом преимуществ.

206

Во-первых, эта интегративная социологическая теория сочетает анализ социальных структур, символических классификаций и фактического культурного дискурса, проявляющегося в интерпретативной работе конкретных акторов. Во-вторых, некоторые технические объекты космической программы, такие как ракетополеты, космические корабли, жилые модули, луноходы, марсоходы, неизбежно становятся заметны в медийном пространстве, выделяясь из общего фона безымянных технических деталей, а потому сами превращаются в коллективные символы. В рамках выбранного подхода можно поставить вопрос о том, как они приобретают смысл. На примере американских новостных статей о первых ЭВМ с 1944 по 1970 год Дж. Александер продемонстрировал, что техника — не удел чистой современной рациональности и что отношение людей к техническим объектам также опосредуется культурными структурами. Так, он пишет: «Мы должны научиться видеть технику как дискурс, как знаковую систему, подверженную семиотическим ограничениям даже в тот момент, когда она реагирует

и его культура». Многие современные общества (в первую очередь западные) характеризуются изменением отношений между центром и периферией: большинство населения, ранее оставшееся «чуждым» для институтов власти и культуры, которые поддерживали системы социальных ценностей и способствовали стабильности общества во времени, теперь оказалось «в тесных отношениях с центром» (Shils 1960, p. 288). Однако далее Шилз предлагает статичную типологию культур, отличая «массовую» от «высокой» и «посредственной», каждая из которых относительно замкнута на себе. Нам же нужно показать, как во взаимодействии «масс» с властью рождается общий культурный консенсус, или то, что Дж. Александер вслед за Т. Парсонсом называет «обобщением» — объединением людей в отношении самых значимых ценностей (Александер 2013b, с. 419).

на социальные и эмоциональные потребности» (Александр 2013b, с. 485).

Поскольку «китайскую космическую мечту» нужно характеризовать по последствиям, а не по изначально заданным, крайне смутным и бессодержательным определениям, далее мы в духе исследований Дж. Александра об Уотергейтском скандале (Александр 2013a) предложим гипотетическую реконструкцию того, как события пятидесятилетней давности стали начиная с 2013 года насыщаться изначально не присущим им смыслом, вплетаясь в новую национальную идею Китая.

Система наименований в китайской космонавтике

В первую очередь необходимо представить символические ресурсы, из которых складывается «китайская космическая мечта». В качестве основного объекта возьмем систему наименований ключевых технических объектов китайской космонавтики, поскольку, как станет видно по ходу изложения, в ней легко считывается сеть смыслов, которой пытались опутать космическую программу политические акторы. Более того, как со ссылкой на Леви-Стросса формулировал Дж. Александр, сами «культурные коды, определяющие предмет, впервые конструируются посредством наименования» (Александр 2013a, с. 495). Однако имена сами по себе не самодостаточны, это — только означающие, которые должны к чему-то отсылать. В случае проектов, служащих частью национальной идеи, они, возможно, призваны указывать на образы, связанные с коллективными ценностями, таким образом способствуя «обобщению» — солидаризации людей вокруг этих образов (Александр 2013a, с. 419). Дальнейшие рассуждения основаны на этой гипотезе.

История космической программы КНР начинается 8 октября 1956 года, когда была создана 5-я Академия при Министерстве обороны, специализировавшаяся на разработке баллистических ракет. Первая серия ракет-носителей получила название «Дун фэн» («Восточный ветер»), вторая, используемая в модернизированном виде до сих пор, — «Чанчжэн» («Великий поход»), в память отхода коммунистической армии в защищенные районы на севере страны в 1936–1938 гг. в период гражданской войны. Первый спутник Китая, запущенный 24 апреля 1970 года, — «Дунфан хун-1» («Алеет Восток-1»), второй спутник 1971 года — «Шицзянь-1» («Практика-1»), спутник 1975 года — «Цзяньбин-1» («Первопроходец-1») (Нагвеу 2004). Таков основной набор символически окрашенных названий, заданных в 1960–1970-х гг., который почти не менялся до 1999 года. Данное множество очевидным образом отсылает к образному ряду, связанному с КПК.

В 1999 году было проведено первое испытание космического корабля, предназначавшегося для первого в КНР пилотируемого полета, который получил название, резко выбивающееся из представленного ряда: «Священная лодка-1» («Шэньчжоу-1»). Ракетой-носителем служил «Чанчжэн» (Kulacki, Lewis 2009, p. 26). Характерно, что специально для тестового запуска «Шэньчжоу-3» в 2002 году председатель КНР Цзян Цзэминь переименовал ракету-носитель в «Шэньцзянь» («Священная стрела»): это название, каллиграфически выписанное рукой Цзяна, было отпечатано на корпусе ракеты (Solomone 2006, p. 47). Таким образом, названия ракеты и корабля были приведены к согласию в общем семантическом поле.

В последующие годы с появлением новых престижных космических проектов тенденция присваивать им названия, никак не связанные с символическим наследием китайского коммунизма, продолжилась. В 2000 году был запущен первый спутник навигационной системы «Бэйдоу» («Северный ковш», китайское традиционное название Большой медведицы) (Moltz 2012, p. 101; Solomone 2006, p. 47). В 2003–2004 годах началась Лунная программа под названием «Чанъэ» (в честь мифологической героини, живущей на Луне) (Solomone 2006, p. 48). В 2011 году на орбиту был выведен первый тестовый модуль «Тяньгун-1» для будущей орбитальной станции («Небесный дворец», в котором, согласно китайской мифологии, живет Нефритовый император)¹. В 2020 году к Марсу была направлена станция «Тянь вэнь» («Вопросы Неба») с марсоходом «Чжужун» (мифологический герой, повелитель огня)². Спутники также вписаны в эту традицию именованья: например, в 2015 году в космос отправился астрономический спутник «Укун» (герой народной литературы и романа «Путешествие на Запад» Сунь Укун, «король обезьян»)³. Обратим, однако, внимание на то, что названия технических серий, созданных в 1960–1980-е гг. и использующихся до сих пор, не менялись: даже ракета-носитель «Чанчжэн» называется по-прежнему, несмотря на переименование конкретной ракеты Цзян Цзэминем.

В этой статье мы не ставим цель объяснить, почему символизм китайской космонавтики настолько радикально изменился с началом XXI века, поскольку в таком случае необходимо работать с ины-

1 2011年9月29日我国“天宫一号”目标飞行器成功发射 // China National Space Administration. URL: <https://www.cnsa.gov.cn/n6758968/n6758972/c6796399/content.html>

2 Tianwen 1 // National Space Science Data Center. URL: https://www.nssdc.ac.cn/nssdc_zh/html/task/tianwen1.html

3 Dark Matter Particle Explorer (DAMPE) // National Space Science Data Center. URL: https://www.nssdc.ac.cn/nssdc_zh/html/task/wukong.html

ми материалами, такими как архивы руководителей и участников космических проектов (политиков и ученых). Нам важно показать, как указанные наименования оказались встроены в «космическую мечту» начиная с 2013 года. Далее мы представим кейс, на первый взгляд незначительный, в котором, однако, искусно были представлены смыслы, стоящие за этими наименованиями. Этот кейс связан с публикацией информационного агентства при Китайском национальном космическом управлении накануне Праздника весны 2023¹ (китайского Нового года) — серией «новогодних картинок»² (а также плакатов в стиле социалистического реализма) под названием «Новый год близится, давайте вспомним космонавтику на новогодних картинках нашего детства»³. Проведем простой герменевтический анализ связи между космонавтикой, Новым годом и китайским лубком (парадигмой для нас служил один из ключевых текстов для культурсоциологии — исследование Клиффорда Гирца о петушиных боях на Бали, см.: Гирц 2004b).

Во время празднования Нового года китайцы в большом количестве используют петарды с хлопушками и запускают воздушных змеев. Фейерверки заряжены порохом, который был изобретен в Китае (Needham 1986, p. 111-146). На этой основе в начале XX века сложился миф о китайском изобретателе XVI века Вань Ху (Нидэм полагал, что миф сложился на Западе в эпоху увлечения Шинуазри): он подвязал под стулом 30 пороховых ракет (в других версиях — 47), сел на него и, схватившись за веревку воздушного змея, отправился на небо (Ibid., p. 509). Эта история подается ныне китайскими СМИ как исторический факт, моральный посыл которого заключается в том, что первый прототип космической ракеты (хотя и неудачный) соорудил именно китаец⁴. Убедительности истории способ-

- 1 В 2022–2024 гг. китайские тайконавты трижды встречали Праздник весны на орбите, на станции «Тяньгун». Каждый раз информационное агентство «Наш космос» при Китайском национальном космическом управлении за три дня публиковало в соцсетях сводку о том, как проходила подготовка к Новому году на станции.
- 2 Буквальный перевод китайского слова «年画». Другие варианты перевода — «китайский лубок» (по ассоциации с русским лубком), «китайские народные картинки», «народные изображения». Иногда также используется транскрипция «няньхуа» (Алексеев 1966; Виноградова 2007). Ниже мы используем эти способы передачи взаимозаменяемо.
- 3 年近了,一起回顾儿时年画里的航天//m.thepaper.cn. URL: https://m.thepaper.cn/newsDetail_forward_21632773
- 4 中国探月与深空探测网 — 宇宙人文 — 人物//China's Lunar and Deep Space Exploration. 2018. URL: <http://www.clep.org.cn/n5982029/n5987546/c5987745/content.html>

ствует тот факт, что в 1970 году Международный астрономический союз назвал один из лунных кратеров именем Вань Ху¹.

Перейдем к «новогодним картинкам». Этот жанр фольклорного изобразительного искусства в традиционном Китае выполнял главным образом две функции — апотропеическую и благопожелательную. Такие коннотации связаны с лубком и сегодня. По причине сакрального статуса картинок их использование детерминировано определенным набором ритуальных правил². Одно из них — необходимость обновления в период Праздника весны (с чем и связано их название): старые картинки сжигаются, новые приобретаются и развешиваются по дому (конечно, если в традиционном Китае лубок — часть повседневной жизни, сегодня в городах отношение к их использованию существенно изменилось). Далее, лубочные картинки не только обновляются с наступлением Праздника весны, но также существует особый тип картинок, изображающих праздничные ритуалы, в том числе — запуск фейерверков и воздушных змеев. И последний штрих, чтобы завершить герменевтический круг. Один из типов китайского лубка — лунный календарь с расписанием сельскохозяйственных работ на год, на котором изображается бог домашнего очага Цзао-ван. Для этих картинок традиционно в доме должен быть оформлен алтарь с подношениями. За три дня до Нового года, при обновлении картинок, календари также сжигаются: с этим связано поверье, будто Цзао-ван поднимается на Небо и докладывает Нефритовому императору обо всех делах его хозяев. Наступление Нового года означает возвращение Цзао-вана домой с небес (Алексеев 1966; Баранов 1999).

210

Из вышесказанного можно заключить, что Праздник весны обладает ресурсами для того, чтобы его можно было символически ассоциировать с космосом. «Новогодние картинки», в свою очередь, — это визуальная ёмкая репрезентация этого праздника. Более того, «новогодние картинки» — это общее название для китайского ритуального лубка, и такая языковая конвенция позволяет ассоциировать с космосом лубок, относящийся к другим праздничным событиям,

1 MOON — Wan-Hoo (Van-Gu) // Gazetteer of Planetary Nomenclature. UCGS. Science for a Changing World. URL: <https://planetarynames.wr.usgs.gov/Feature/6484>

2 Однако отметим тематическую гетерогенность «няньхуа», а также различие в их прагматике: наряду с ритуальными картинками существовали «профанные» поджанры — вплоть до карикатур. В таком случае единственными критериями, на основании которых можно отнести тот или иной артефакт к этому классу, будут дешевизна и массовое производство (Виноградова 2007).

а также — новые формы политизированного искусства, заимствовавшие композицию и образный ряд традиционного лубка.

Жанр «новогодней картинки» с конца 1930-х годов стал использоваться коммунистами для разворачивания пропаганды в сельских регионах, население которых было по большей части безграмотным (Hong 2000; Shue 2022, p. 699–689): для привлечения крестьян в союзники КПК пропагандисты сочетали традиционную символику (например, изображения пухлых довольных младенцев, рыбы, символизирующей достаток, и т.п.) с коммунистической (например, заменяли золотые слитки и традиционные предметы роскоши на снопы колосьев) (Landberger 1995)¹. Картинки, опубликованные космическим агентством в 2023 году, представляют собой редкий поджанр коммунистического лубка, на котором в традиционной форме репрезентированы некоторые объекты космонавтики — ракеты, шаттлы, скафандры. Согласно архивным сборникам, он бытовал примерно с конца 1970-х до начала 1990-х гг. (Чэнь 2016).

Теперь вернемся к названиям объектов космонавтики. Начнем с самого очевидного: станция «Тяньгун» соотносится с Небом, на которое направляется бог домашнего очага перед Новым годом. Далее — «Шэньцзянь»: первое значение этого слова, — стрела с пороховым зарядом, изобретенная в эпоху империи Сун (Needham 1986, p. 481). Эта метафора характерно представлена на плакате 1987 года под названием «Наше прошлое, наше настоящее, наше будущее»²: «священная стрела» нарисована поверх настоящей ракеты-носителя, указывая ей вектор движения. Название «Шэньчжоу» резонирует с тем же контекстом (результат удачного «обыгрывания» со стороны председателя Цзян Цзэминя): «Священную лодку» несет наверх «Священная стрела».

На ряде картинок на сайте «Наш космос» показаны дети, летящие в космическом корабле на Луну — в объятия богини Чанъэ. Ее образ устойчиво ассоциируется с Праздником середины осени (один из атрибутов этого дня — Лунный пряник), для которого также создаются соответствующие лубочные изображения. Неизвестно, по какому случаю были подготовлены космические картинки с Чанъэ (предназначались ли они к Празднику середины осени?), но важно, что в 2023 году их приурочили именно к Новому году, возможно, чтобы усилить совокупный эффект разных символических ресурсов.

1 Стефан Ландсбергер, собравший с коллегами крупную коллекцию коммунистических «новогодних картинок», опубликовал их также на сайте: New Year Prints (and chubby babies) | Chinese Posters | Chinese posters.net

2 Our past, present and future | Chinese Posters | Chinese posters.net

Лубок с космической тематикой стал появляться в конце 1970-х годов, то есть после смерти Мао Цзэдуна. Для этого есть объективная причина: запуск первого спутника Китая состоялся в 1970 году, в разгар «культурной революции», когда традиционные, «реакционные» формы искусства оказались под запретом. Однако появление этого поджанра пропагандистского плаката в конце 1970-х выглядит парадоксально. Если в эпоху Мао Цзэдуна развитие космонавтики было символически значимым делом само по себе (в частности, готовился проект по отправке человека в космос «Шугуан-1», см.: Li et al. 2017, p. 111), Дэн Сяопин в 1978 году переориентировал эту отрасль исключительно на экономическую прагматику (Kulacki, Lewis 2009; Chang 1996): в рамках «политики реформ и открытости» даже проекты Министерства обороны были подчинены экономической логике и переведены на самоокупаемость (Wang et al. 2019, p. 143). В том числе была свернута программа пилотируемого полета, возобновленная только в 1992 году под названием «Проект-921» (Kulacki, Lewis 2009, p. 26). С учетом особенностей контекста странно выглядит утверждение авторов сайта «Наш космос», приведенное после серии лубочных изображений: «Глядя на эти картинки, можно почувствовать решительность людей того поколения в фантазиях о космическом пространстве. Ныне космическая мечта той эпохи уже стала реальностью»¹. В чем же могла состоять мечта о космосе в 1980-е?

Ориентацию космонавтики на коммерцию, которая произошла после 1970-х годов и в КНР, и в США, в 2012 году описал китайский писатель-фантаст Лю Цысинь: «До “Аполлона-17” полеты в космос были попыткой человечества выбраться из колыбели; позднее оно просто делало свою колыбель более уютной. Космические проекты были приведены в соответствие с требованиями экономики, и на смену благородного духа исследований пришел дух предпринимательства. Человеческому сердцу подрезали крылья» (Лю 2024, с. 115). Это утверждение было справедливо и для состояния космонавтики на 2012 год. Однако в 2024 году на VIII Съезде научных фантастов Китая Лю Цысинь заявил: «Под влиянием быстрого темпа модернизации Китай превратился в государство, полное “ощущения будущего”»². Что изменилось за эти двенадцать лет? Обратим также внимание на то, что в заглавие новостной статьи была выведена следующая фраза писателя: «Никто не знает, каким будет будущее, но необходимо, чтобы были люди, которые решатся создавать такие *мечты*» (курсив наш).

1 年近了, 一起回顾儿时年画里的航天 // m.thepaper.cn. URL: https://m.thepaper.cn/newsDetail_forward_21632773

2 中国故事 | 科幻作家刘慈欣: 总要有人敢去做这样的梦 — 新华网客户端 // 新华社. 2024. URL: <https://app.xinhuanet.com/news/article.html?articleId=a315a49d8d05fc4b5e964133676da2c3>

«Космическая мечта» и «культура космонавтики»

Когда осуществилась «космическая мечта», которую, согласно авторам сайта «Наш космос», лелеяли граждане КНР в 1980-е годы? 15 октября 2003 года состоялся первый пилотируемый космический полет, и Ян Ливэй стал первым китайцем, преодолевшим притяжение Земли. В связи с этим событием новостные каналы стали писать о реализации «тысячелетней мечты китайского народа полететь на небо»¹. Однако, как мы покажем ниже, эта мечта семантически существенно отличается от мечты, сложившейся в эпоху Си Цзиньпина.

В официальных обзорах 2002–2005 гг., посвященных полету Ян Ливэя, отмечается, что КНР вступила в космическую эпоху на 40 лет позднее СССР и США и потому неизбежно должна заимствовать их опыт. Показательно, что День космонавтики был введен только в 2016 году, а в качестве коммеморативной даты было выбрано 24 апреля — день отправки первого китайского спутника². Эта дата более символически нагружена, чем полет Ян Ливэя, поскольку весь проект 1970 года был выполнен так, чтобы максимально привлечь мировое внимание к этому событию: аппарат весил 173 кг, в то время как советский «Спутник-1» только 83 кг, был покрыт светоотражающим материалом, чтобы его было видно с поверхности Земли, а также транслировал на весь мир песню, прославляющую китайский народ и Мао Цзэдуна (Kulacki, Lewis 2009, p. 13). Коммеморация такого давнего и как будто уже неактуального события, как мы продемонстрируем дальше, не могла быть осуществлена раньше эпохи Си Цзиньпина. Для этого требовался определенный идеологический сдвиг, связанный со спецификой «китайской мечты».

Начнем с того, что в отличие от формулы «китайская мечта», которая бытовала в разных медийных контекстах до ее усвоения в новый дискурс с конца 2012 года, «китайская космическая мечта», видимо, — словосочетание, введенное в публичное поле именно Си Цзиньпином³. С учетом этого становится заметна и другая

- 1 载人航天: 中华民族面向未来的雄心壮志 // China National Space Administration. 2005. URL: <https://www.cnsa.gov.cn/n6758824/n6759009/n6759042/n6759070/c6795703/content.html>
- 2 国务院批准设立“中国航天日” // China National Space Administration. 2016. URL: <https://www.cnsa.gov.cn/n6758824/n6759009/n6759040/n6759287/c6794383/content.html>
- 3 Единственное употребление этой формулы до 2013 года, которое мы зафиксировали, — это статья Deutsche Welle (организация признана Минюстом РФ СМИ-иноагентом) от 2002 года о состоянии китайской космонавтики: 爱国主义的航天梦 — DW — 2002年2月8日. URL: <https://www.dw.com/zh/%E7%88>

риторическая трансформация. Полет Ян Ливэя представляли как осуществление мечты «полететь на небо» (飞天): такое словосочетание отсылает к образу самолета (его первый иероглиф входит в состав слова «самолет»). Космическая мечта новой эпохи, с другой стороны, обозначается с помощью понятия «навигация в небе» (航天), составленного по аналогии с «навигацией в море»: именно оно используется в качестве специального обозначения космической отрасли.

Это различие было «обыграно» в статье 2013 года на сайте Центрального правительства КНР. Редакторы, комментируя слова Си Цзиньпина, писали: «Китайская мечта влечет за собой космическую мечту, а космическая мечта помогает продвигать китайскую мечту»¹. При этом сочетание «навигация в небе» используется около 100 раз, а «полет на небо» — только 7, причем в характерных контекстах, например, в отношении полета Ян Ливэя. В том числе: «Китайский народ первым породил мечту о полете на небо. После образования КНР мечта превратилась в рассвет действительности» (отсылка к Проекту 714 — программе пилотируемых полетов при Мао Цзэдуэ). Важно, что в данном контексте формула «мечта полететь на небо» используется для указания на то, что китайцы первыми стали мечтать о космических полетах. Ранее же говорилось о «тысячелетней мечте» без акцента на первенство.

214

Более того, «тысячелетняя мечта» — не просто поэтическое выражение. Изначально оно отсылало к конкретному времени в истории, как это представлено на упоминавшемся плакате 1987 года «Наше прошлое, наше настоящее, наше будущее»²: «В XII веке Китай уже изобрел пороховые стрелы. В XX веке Китай успешно запустил ракету-носитель мирового уровня. В XXI веке китайские ракетные технологии с нетерпением ожидают...». Этот краткий текст — характерный продукт идеологического контекста КНР в 1980-х годах. Как отмечают исследователи, 1980-е годы — это время устремленности в открытое будущее в ожидании технологических инноваций. В это время китайские политики стали обращаться к футурологическим идеям Элвина Тоффлера (Gewirtz 2019). Так, основным эпистемологическим драйвером пореформенного Китая стала тотальная вера в силу научного метода, «модернистский сциентизм» (Shue 2022, p. 693). Как следствие, идеологический фокус ставился на общую

%B1%E5%9B%BD%E4%B8%BB%E4%B9%89%E7%9A%84%E8%88%AA%E5%A4%A9%E6%A2%A6/a-438277

1 谱写航天梦的篇章 — 党中央推进载人航天工程纪实 // The Central People's Government of the People's Republic of China. 2013. URL: https://www.gov.cn/jrzq/2013-07/25/content_2455609.htm

2 Our past, present and future | Chinese Posters | Chinese posters.net

технологическую эволюцию человечества, в которую китайцы сделали вклад конкретными техническими изобретениями (описание этой «акселерационистской» логики см.: Yuk 2017, p. 291-292). После 2012 года акцент на технологический универсализм перестал быть удовлетворительным¹ и, в частности, было пересмотрено отношение к космонавтике: стало необходимо представить эту технологию как то, что вырабатывается самим народным духом (精神). Ниже рассмотрим, как выстраивалась (и продолжает выстраиваться) эта новая идеология, которая получила в китайском медийном пространстве название «культура космонавтики».

«Культура космонавтики» как особая идеологическая конструкция создается в два шага: сначала фиксируется различие между космонавтикой как технической отраслью, с одной стороны, и китайской традиционной культурой — с другой; затем в силу того, что, как постулируется, китайскому народу исторически было свойственно мечтать о далеком космосе, отмечается необходимость сочетания этих двух элементов в наше время. В 2020 году ко Дню космонавтики в главном журнале по теории КПК «Цюши» была опубликована статья «Ценности духа космонавтики в новую эпоху», в которой описанный идеологический сдвиг выражается в призыве: «Необходимо смешать дух космонавтики с выдающимися генами китайской традиционной культуры, развивать и прославлять народную культуру»².

215

В сентябре 2021 года в городе Чжухай был проведен первый форум «Космические культура и искусство», на который наряду с представителями национальных космических агентств (в частности — Роскосмоса) были приглашены и деятели искусств. В качестве основной темы обсуждения было заявлено «совместное развитие космонавтики и искусства для того, чтобы воображать и творить будущее»³. В апреле 2024 года этот форум был проведен в четвертый раз в городе Ухань. Его цели были сформулированы так: «Стимулировать взаимное движение навстречу друг другу между космической техникой, [с одной стороны], культурой и искусством, [с другой]; с помощью культуры обогащать космическую индустрию и воспитывать лю-

- 1 В частности, в академической среде оживились дискуссии о соотношении «китайского» и «западного» в пользу формулы «Китайское — основа, Западное — инструментально». К этой формулировке, появившейся в начале XX века, добавилось также «марксизм — дух» (Чэнь и др. 2015).
- 2 航天精神的新时代价值 // 求是网. 2020. URL: http://www.qstheory.cn/dukan/hqwg/2020-05/20/c_1126005281.htm
- 3 第十三届中国航空航天国际博览会 // China International Aviation & Aerospace Exhibition. 2021. URL: <https://www.cnsa.gov.cn/n6758823/n6758844/n6760290/n6760291/c6812617/content.html>

дей, с помощью искусства проникать в сердца, продвигать международное сотрудничество в области космонавтики, способствовать построению в космическом пространстве «сообщества единой судьбы человечества»¹.

Таким образом, в последние годы в Китае на идеологическом уровне стала проявляться тенденция сближать космонавтику и культурные, образовательные проекты в рамках концепции «китайской космической мечты». Далее концепция стала имплементироваться в практическую жизнь: например, в 2022 году организован первый «Национальный детский конкурс космических инноваций» с целью «воплотить идею Си Цзиньпина о создании научно-популярного образования в области космических проектов, распространять культуру космонавтики и повышать ее дух»².

Здесь мы хотим указать на то, что культура космонавтики оказывается трансцендентна по отношению к конкретной космической отрасли и, более того, может оказывать на нее влияние. Особенно это бросается в глаза, если сравнить рассмотренные выше фрагменты с аргументами замначальника космодрома Цзюцюань Юй Бэньчэна. В 2009 году на сайте Китайского национального космического управления была опубликована его статья «Мысли по поводу культуры космонавтики в Китае», в которой прописано: «Культура космонавтики — это сочетание традиционной культуры и культуры эпохи. Она зародилась в тот самый день, как появилась космическая отрасль <...> Это — культура, которая реализует миссию государства и стимулирует развитие космических технологий; культура, стремящаяся быть быстрее, выше, сильнее <...> Одна из задач исследования культуры космонавтики — выявить место космической отрасли в государстве и оборонном строительстве»³. Во-первых, культура в данном случае понимается как сумма навыков (инженеров и пилотов) и техническое развитие; здесь нет места для народной культуры, которую необходимо возродить согласно «китайской мечте», а потому и нет нужды выстраивать диалог между космонавтикой и традицией. Во-вторых, космические проекты служат укреплению мощи государства, которое первично по отношению к культуре. Как следствие такой установки на этатизм (патриотизм, основанный не на культурных ценно-

1 2024年航天文化艺术论坛在武汉成功举办//China National Space Administration. 2024. URL: <https://www.cnsa.gov.cn/n6758823/n6758838/c10510360/content.html>

2 赛事介绍//National Youth Space Innovation Competition. 2022. URL: <https://space.gdcomf.com/introduce>

3 关于我国航天文化的思考//China National Space Administration. 2009. URL: <https://www.cnsa.gov.cn/n6758968/n6758975/c6772713/content.html>

стях, а на идее сильного государства), концепция «общей судьбы человечества» как составная часть «китайской мечты» также оказывается чужда этому дискурсу. Можно сказать, что рассуждения Юй Бэньчэна встроены в парадигму технологического универсализма, актуальную для «открытого будущего» пореформенного Китая. Здесь хорошо видно, что исследовательские подходы, редуцирующие китайскую идеологию к политическому утилитаризму и согласующиеся, таким образом, с точками зрения Юй Бэньчэна и Лю Минфу (см. выше), могут легко проигнорировать важные конститутивные элементы своего предмета. Более того, если такие подходы обладают объяснительной силой в отношении определенного узкого дискурсивного пространства, с их помощью невозможно понять механику идеологических перемен, не обращаясь к завуалированному утилитаризму по типу «мягкой силы» (своего рода «ложного сознания»). Культурсоциология, с другой стороны, дает возможность увидеть идеологию как динамическую культурную систему: какие символические элементы и в какой конфигурации удержатся в качестве разделяемой некоторым коллективом смысловой среды, которая, в свою очередь, мотивирует действие, зависит от множества ситуативных факторов. Утилитаризм — это одна из возможных идеологий, которая может стать консенсусом только в определенный исторический период (о культурсоциологическом анализе исторической динамики научной идеологии/парадигмы см.: Александер 2013с).

217

В этой связи мы хотим предложить последнее наблюдение. «Китайская мечта» резонирует не только с патриотизмом общенационального уровня, но также с чувствами принадлежности к тому или иному региону. Например, станция, направленная к Марсу, называется «Тяньвэнь», что отсылает к поэме Цюй Юаня «Вопросы к Небу» (III в. до н. э.). Поскольку он был родом из древнекитайского царства Чу, располагавшегося на территории нынешней провинции Хубэй, станция как часть общенационального проекта позволяет артикулировать связь этого региона с большой родиной. На сайте правительства города Ухань (столица Хубэй) 1 мая 2024 года разместили отчет о том, как дети провели День космонавтики: «[Разговаривали] об истоках культуры Чу и космической мечты... Это название [Тяньвэнь] воплощает культурное наследие китайского народа в деле изучения природы и космического пространства»¹.

1 五一假期, 孩子们点亮航天梦 // 武汉市人民政府门户网站. 2024. URL: https://www.wuhan.gov.cn/sy/whyw/202405/t20240501_2396472.shtml

По поводу Дня космонавтики в 2023 году для государственных мероприятий был подготовлен плакат с изображением идущего на зрителя космонавта, на фоне которого — характерная ранне-средневековая буддийская роспись из западных регионов Китая (Синьцзян-Уйгурский автономный район). В журнале «Тяньшаньван», принадлежащем отделению Компартии Синьцзян-Уйгурского автономного района, была опубликована статья с описанием того, как жители Синьцзяна вовлечены в национальные космические проекты: работают на космическую отрасль, проводят культурные мероприятия (например, встречи с космонавтами), отправляют сельскохозяйственные растения на орбиту и прочее¹.

Заключение

218

В этом тексте мы попытались пунктирно показать становление «китайской космической мечты» и вскрыть поддерживающие ее символические ресурсы. Наш общий тезис состоит в том, что рассматриваемая идеологическая конструкция оказалась удачно «обыграна» в контексте рамочной политической линии под названием «китайская мечта». Этому способствовала и культурная история космонавтики, которая закрепились в особенностях наименований технических объектов; причем сами наименования, в свою очередь, обладают перформативной, смыслопорождающей силой.

В рамках парадигмы «китайской мечты» устремленность в «космическое будущее» была приписана китайскому народу как его имманентное свойство, в результате чего возникла возможность экстраполировать это свойство на всю национальную историю. С нашим аргументом резонирует иронический комментарий, подписанный под космической «новогодней картинкой» на сайте библиотеки Джорджтаунского университета: «Этот плакат может быть воспринят как выпад в сторону космической гонки: он иллюстрирует китайскую богиню Луны Чанъэ, которая показывает, что пока многие соревнуются за возможность первыми высадиться на Луну, Китай все это время уже был там»². Однако нас не интересовала интенция авторов космических картинок; мы сосредоточи-

1 关注中国航天日 | 叩问苍穹 不乏新疆航天人助力 // 天山网. 2023. URL: https://www.ts.cn/xwzx/kjxw/202304/t20230417_12883606.shtml

2 Библиотека по случаю 50-летия запуска «Аполлона-11» на Луну в 2019 году опубликовала серию изображений того времени на космическую тематику. Apollo 11 Anniversary // Georgetown University Library. 2019. URL: <https://library.georgetown.edu/exhibition/apollo-11-anniversary>

лись на том, как прошлое актуализируется в современности. Одним из событий, апроприирующих прошлое в качестве символического ресурса для использования в настоящем, стало введение Дня космонавтики в 2016 году, празднование которого направлено, в частности, на солидаризацию граждан КНР в образе «многонационального китайского народа».

История не обладает детерминирующей силой в нашем сюжете, однако факты могут накладывать ограничения или создавать удобную инфраструктуру для появления тех или иных смысловых конфигураций (Александр 2013с). С другой стороны, для того чтобы события сложились в осмысленную историческую последовательность, необходимы конкретные акторы, которые их грамотно перформативно представляют (Дж. Александр продемонстрировал этот тезис на примере «актерских» навыков Мао Цзэдуна, см.: Alexander 2017). Поэтому, в рамках гипотезы, мы полагаем, что китайские традиционные картинки (年画) на космическую тематику, бытовавшие с конца 1970-х до 1990-х годов, в то время не могли стать частью некоего официального устойчивого нарратива о космонавтике, поскольку проекты «героической» эпохи (проект пилотируемого полета) тогда оказались невозможны. Далее, в 2000-е годы, для складывания такого нарратива не хватило, во-первых, уникальных достижений китайской космонавтики, а во-вторых, не было найдено удачных символических и риторических ресурсов. Оба эти элемента оказались доступны после 2012 года: успехи космической программы КНР и «китайская мечта» были сплавлены в единое понятие «космической мечты китайского народа». Эта формула стала осмысленной через обращение к китайской традиционной культуре. В итоге «мечта» оказалась тесно связана с представлениями китайцев о национальной истории и национальном духе. Наш итоговый аргумент состоит в том, что такая смысловая конструкция позволила придать больший ценностный вес китайской космонавтике, а та, в свою очередь, стала символом, репрезентирующим народ.

219

Список источников / References

Александр Дж. (2013а) «Уотергейт» как демократический ритуал. *Смыслы социальной жизни: Культурсоциология*. М.: Праксис, с. 417–471.

— Alexander J. (2013a) “Watergate” as a democratic ritual. *The Meanings of Social Life: A Cultural Sociology*. Moscow: Praxis, pp. 417–471. (in Russ.)

Александр Дж. (2013б) Сакральная и профанная информационная машина. *Смыслы социальной жизни: Культурсоциология*. М.: Праксис, с. 472–504.

— Alexander J. (2013b) Sacred and Profane Information Machine. *The Meanings of*

Social Life: A Cultural Sociology. Moscow: "Praxis", pp. 472–504. (in Russ.)

Александр Дж. (2013с) Модерн, анти-, пост-, нео-: как интеллектуалы объясняют «наше время». *Смыслы социальной жизни: Культурсоциология*. М.: Праксис, с. 505–600.

— Alexander J. (2013b) Sacred and Profane Information Machine. *The Meanings of Social Life: A Cultural Sociology*. Moscow: "Praxis", pp. 505–600. (in Russ.)

Алексеев В. М. (1966) *Китайская народная картина. Духовная жизнь старого Китая в народных изображениях*. М.: Главная редакция восточной литературы.

— Alexeev V. M. (1966) *Chinese Folk Painting. Spiritual Life of the Old China in folk pictures*. Moscow: Main Editorial Office of Eastern Literature. (in Russ.)

Баранов И. Г. (1999) *Верования и обычаи китайцев*. М.: Муравей-гайд.

— Baranov I. G. (1999) *Beliefs and Traditions of the Chinese*. Editorial Office Muravei-Gaid. (in Russ.)

Виноградова Т. И. (2007) «Народная» гравюра в контексте истории книгопечатания. *Общество и государство в Китае: XXXLII научная конференция*, с. 205–210.

— Vinogradova T. I. (2007) "Folk" Woodcut in the History of Book-Printing. *Society and State in China: XXXLII Scientific Conference*, pp. 205–210. (in Russ.)

220 Гириц К. (2004а) Идеология как культурная система. *Интерпретация культур*. М.: РОССПЭН, с. 225–267. EDN: QOCQVP

— Geertz C. (2004a) Ideology as a Cultural System. *Interpretation of Cultures*. Moscow: Political Encyclopedia Publishers «ROSSPEN», pp. 225–267. EDN: QOCQVP. (in Russ.)

Гириц К. (2004б) Глубокая игра: заметки о петушиных боях у балийцев. *Интерпретация культур*. М.: РОССПЭН, с. 473–522. EDN: QOCQVP

— Geertz C. (2004b) Deep Play: Notes on the Balinese Cockfight. *Interpretation of Cultures*. Moscow: Political Encyclopedia Publishers «ROSSPEN», pp. 473–522. EDN: QOCQVP. (in Russ.)

Лю Цысинь (2024) *Взгляд со звезд*. М.: Эксмо.

— Liu Cixin (2024) A View from the Stars. Moscow. (in Russ.)

Рикёр П. (2008) Модель текста: осмысленное действие как текст. *Социологическое обозрение*, 7(1), с. 25–43.

— Ricoeur P. (2008). The Model of the Text: Meaningful Action Considered as a Text. *Russian Sociological Review*, 7(1), pp. 25–43. (in Russ.)

Тутнова Т. А. (2014) Развитие космической программы КНР в XX–XXI вв. *История и современность*, 1, с. 161–181.

— Tutnova T. A. (2014) Development of Space Program of PRC in XX — XXI Centuries. *History and Modernity* 1, pp. 161–181. (in Russ.)

刘明福 (2009) *中国梦: 后美国时代的大国思维与战略定位*. 北京: 中国友谊出版社.

— Liu M. (2009) *The China dream: Great power thinking and strategic planning in the post-American era*. Beijing: China Friendship Publishing Company.

习近平 (2013) 习近平关于实现中华民族伟大复兴的中国梦论述摘编。中共中央文献研究室编。北京: 中央文献出版社。

— Xi J. (2013) *Excerpted discourses on the Chinese dream of realizing the great rejuvenation of the Chinese nation*. Beijing: Central Party Literature Press.

习近平 (2018) 习近平谈治国理政。卷1。北京: 外国出版社。

— Xi J. (2018) *Xi Jinping on the governance of China*. Vol. 1. Beijing: Foreign Languages Press.

陈履生, 陈都 (2016) 新中国年画宣传画。年画卷。石家庄: 河北美术出版社。

Chen L., Chen D. Chinese New Year Painting and Poster in New China. Volume on Nianhua. Shijiazhuang: Hebei Fine Arts Publishing House.

陈学明, 陈祥勤, 姜国敏 (2015) 论中国道路蕴含的“马中西”三大资源及其交互贯通。上海师范大学学报, 6. <https://doi.org/10.13852/J.CNKI.JSHNU>

— Chen X., Chen X., Jiang G. (2015) On the Marxism, Middle Kingdom and the West, Three Major Resources Contained along the path of China, and on their interaction. *Shanghai Normal University Journal*, 6.

Alexander J. (2017) Seizing the Stage: Social Performances from Mao Zedong to Martin Luther King Jr., and Black Lives Matter Today. *The Drama Review*, 61(1), pp. 14–42. <https://doi.org/10.1177/030437540402900204>

Callahan W. (2004) National Insecurities: Humiliation, Salvation, and Chinese Nationalism. *Alternatives*, 29(2), pp. 199–218. <https://doi.org/10.1177/030437540402900204>

221

Callahan W. (2013) *China Dreams: 20 Visions of the Future*. Oxford University Press. ISBN 978-0-19-989640-0

Callahan W. (2017) Dreaming as a critical discourse of national belonging: China Dream, American Dream and world dream. *Nations and Nationalism*, 23(2), pp. 248–270. <https://doi.org/10.1111/nana.12296>

Chang M. H. (1996) The Thought of Deng Xiaoping. *Communist and Post-Communist Studies*, 29(4), pp. 371–394. [https://doi.org/10.1016/S0967-067X\(96\)00014-1](https://doi.org/10.1016/S0967-067X(96)00014-1)

Gewirtz J. (2019) The Futurists of Beijing: Alvin Toffler, Zhao Ziyang, and China's "New Technological Revolution", 1979–1991. *The Journal of Asian Studies*, 78(1), pp. 115–140. <https://doi.org/10.1017/S0021911818002619>

Harvey B. (2004) *China's Space Program: From Conception to Manned Spaceflight*. Springer.

Hung Chang-Tai (2000) Repainting China: New Year Prints (Nianhua) and Peasant Resistance in the Early Years of the People's Republic. *Comparative Studies in Society and History*, 42(4), pp. 770–810. <https://doi.org/10.1017/S0010417500003315>

Kulacki G., Lewis J. (2009) *A Place for One's Mat: China's Space Programme, 1956–2003*. Cambridge, MA: American Academy of Arts & Sciences.

Landsberger S. (1995) *Chinese Propaganda Posters: From Revolution to Modernization*. An East Gate Book.

Li Chengzhi, Zhang Dehui, Hu Danian (2017) Making Breakthroughs in the Turbulent Decade: China's Space Technology During the Cultural Revolution. *Endeavor*, 41(3), pp. 102–115. <https://doi.org/10.1016/j.endeavour.2017.06.003>

Mao Tse-tung (1977) *The Chinese People Have Stood Up! Selected Works of Mao Tse-tung*. Peking: Foreign Language Press.

Moltz J. C. (2012) *Asia's Space Race: National Motivations, Regional Rivalries, and International Risks*. Columbia University Press.

Needham J. (1986) *Science and Civilization in China*. Vol. 5. Chemistry and Chemical Technology. Part 7. Military Technology; the Gunpowder Epic. Cambridge University Press.

Pollpeter K., Anderson E., Wilson J., Yang F. (2015) *China Dream, Space Dream: China's progress in space technologies and implications for the United States. A report prepared for the U. S. — China Economic and Security Review Commission*. Santa Monica, CA: RAND Corporation.

Shils E. (1960) Mass Society and its Culture. *Daedalus*, 89(2), pp. 288-314.

Silk M. (2024) *China's Space Activities: Resources and Vehicles for Soft Power Generation. A Thesis Submitted to The University of Manchester for the degree of Doctor of Philosophy in the Faculty of Humanities*. Manchester: Alliance Manchester Business School Innovation Management and Policy Division.

Singh G. (2016) China in Space Scenarios for the Future. *International Affairs Review*, 24, pp. 6-33.

Solomone S. (2006) The Culture of China's Space Program: A Peking Opera in Space. *Journal of Futures Studies*, 11(1), pp. 43-58.

222

Svyrydenko D., Stovpets O. (2020) Chinese Perspectives in the "Space Race" through the Prism of Global Scientific and Technological Leadership. *Philosophy and Cosmology*, 25, pp. 57-68. <https://doi.org/10.29202/phil-cosm/25/5>

Wang Hongzhe, Jiang Yuan (2019) Seeking for a Cybernetic Socialism: Qian Xuesen and the Transformation of Information Politics in Socialist China. *Resurrecting Cybernetics*, 1, pp. 127-159.

Yuk Hui (2017) *The Question concerning Technology in China: An Essay in Cosmotronics*. China Institute for Visual Studies.

Zhi Qiang, Pearson M. (2017) China's Hybrid Adaptive Bureaucracy: The Case of the 863 Program for Science and Technology. *Governance: An International Journal of Policy, Administration, and Institutions*, 30(3), pp. 407-424. <https://doi.org/10.1111/gove.12245>

Об авторе / About the author

Богомолов Павел Анатольевич — специалист по Китаю (школа Востоковедения, НИУ ВШЭ), магистр социологии (МВШСЭН), аспирант Института общественных наук РАНХиГС. Научные интересы: модернизация Китая, социальные исследования космоса, кибернетика в социальных науках, культуросоциология, социология знания.

<https://orcid.org/0000-0001-8574-8795>. E-mail: pbogomolov-24@edu.ranepa.ru

Pavel A. Bogomolov — BA in Chinese studies (National Research University "Higher School of economics"), MA in Sociology (Moscow School of Social and Economic Sci-

ences), PhD student at the Institute for Social Sciences, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration. Research interests: modernization of China, social studies of outer space, cybernetics in social sciences, cultural sociology, sociology of knowledge.

<https://orcid.org/0000-0001-8574-8795>. E-mail: pbogomolov-24@edu.ranepa.ru